

Г.Г. Литаврин
ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ВАСИЛЬЕВСКИЙ –
ОСНОВАТЕЛЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ЦЕНТРА
ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ
(1838-1899)

Среди крупнейших византинистов XIX столетия можно назвать отнюдь не столь много имен ученых, научные заслуги которых были бы признаны столь единодушно и повсеместно, высокий авторитет которых не поколебало бы истекшее время, а исследовательский метод не принимался бы по-прежнему за образец, заслуживающий подражания и в наши дни. Бесспорно, к числу таких имен принадлежит и имя академика Василия Григорьевича Васильевского.

Ему удавалось все с самых первых шагов на научном поприще: известность и уважение специалистов обрели уже и его магистерская диссертация, завершенная в 1865 г.¹, и цикл работ по истории русско-литовских отношений (преимущественно в XIV в.), написанный им в конце 60-х годов во время работы преподавателем в одной из гимназий города Вильны².

Безусловно, Васильевский был одарен от природы могучим умом и ярким исследовательским талантом. Но с ранних юношеских лет ему были свойственны также неутолимая тяга к знаниям и исключительная трудоспособность. Родившийся 21.I (2.II) 1838 г. в с. Ильинском Люблинского уезда Ярославской губернии в скромной семье местного священника, Васильевский, будучи 18-летним юношей ко времени окончания Ярославской семинарии, уже значительно опережал, главным образом благодаря самостоятельным занятиям, по уровню образования своих однокашников: среди студентов Санкт-Петербургского Главного педагогического института, в который он поступил в 1856 г., а затем (с 1859 г., после закрытия института) историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета он выделялся начитанностью по истории и философии и прекрасной подготовкой по древним и новым языкам³.

По окончании университета в 1860 г. Васильевский был направлен на два года для прохождения педагогической практики в одну из гимназий Петербурга, а затем на два года за границу для совершенствования своих знаний. Основное время своей заграничной командировки Васильевский провел в Берлине, где слушал лекции знаменитого Т. Моммзена (о которых отзывался с восторгом) и других видных немецких ученых того времени.

---

¹ *Васильевский В.Г.* Политическая реформа и социальные движения в древней Греции в период упадка. СПб., 1869.

² *Васильевский В.Г.* Жена (Анна Святославна) Витовта // Виленский вестник. 1870. № 19; *Он же.* Обращение Гедемина в католичество // ЖМНП. 1872. Ч. 159; *Он же.* Очерк истории города Вильны // Памятники старины в западных губерниях империи, издаваемые Батюшковым. 1872. Вып. 5; 1874. Вып. 6.

³ *Модестов В.И.* В.Г. Васильевский // ЖМНП. 1902. Ч. 339. С. 139, 143, 163.

В течение нескольких лет после возвращения в Россию Васильевский испытывал серьезные материальные лишения и затруднения с устройством на работу: публикация магистерской диссертации затягивалась, а вместе с тем и ее защита и зачисление в состав преподавателей университета. Во второй половине 60-х годов ему пришлось работать в Вильне. Только в 1870 г., после защиты диссертации, он был принят на работу в университет, и с тех пор до конца его жизнь была связана с историко-филологическим факультетом, а научные занятия — с исследованиями по истории Византии.

Первый спецкурс, прочитанный Васильевским, был посвящен обозрению источников по истории крестовых походов. Аспект изучения темы (и ее изложения студентам) был избран таким образом, что в центре внимания ученого оказывались Византия и страны и народы Восточной Европы и Балканского полуострова. О глубине разработки темы свидетельствует тот факт, что уже в 1872 г. вышло в свет первое крупное византиноведческое исследование Васильевского “Византия и печенеги”⁴, освещавшее проблему с совершенно неожиданной для ученой публики стороны и привлекавшее к себе внимание широтой постановки проблемы, установлением новых, важнейших факторов, объясняющих причины и следствия Первого крестового похода (факторов, вообще ранее выпадавших из поля зрения ученых), совершенным знанием источников, мастерством их критики и интерпретации и строгостью логики в развитии темы.

Данная работа Васильевского свидетельствовала о нем как о полностью сложившемся ученом, с твердыми убеждениями, с устойчивыми взглядами на природу общественных и политических явлений (в том числе современной ему эпохи), с собственными представлениями о месте исторических знаний в системе духовных ценностей, со своей исследовательской манерой, приемами источниковедческого анализа и историографической критики. Мало того, знакомство с его отчетом о заграничной поездке⁵ и первым научным трудом (магистерской диссертацией) позволяет заключить, что это (что обычно приходит к молодому ученому после более или менее длительного периода поиска, проб и ошибок) было присуще Васильевскому уже к середине 60-х годов. И более того, знакомство с научным наследием исследователя вплоть до его последних работ убеждает в том, что, как ни расширялся с годами его кругозор, главным принципам, идейным, научным и нравственным установкам своей молодости Васильевский не изменял всю жизнь.

Поскольку общетеоретические воззрения Васильевского и методологические принципы его исследовательской работы в той или иной степени отражались на его научном творчестве, представляется целесообразным, не претендуя на полноту и основательность, кратко упомянуть о них, прежде чем останавливаться на выдвинутых им концепциях и на его научно-организационной деятельности в качестве главы Санкт-петербургского византиноведческого центра.

Наиболее близким ему по своим общефилософским взглядам сам Васильевский считал французского философа-религиоведа Э.Ж. Ренана (1823–1892), но решительно отказывался причислять себя к приверженцам какой-либо конкретной философской доктрины. Да и сам он вряд ли всерьез размышлял на эту тему. Решительно отказываясь в пользу науки, как в молодые годы, так и в зрелом возрасте, от участия в каких бы то ни было политически ориентированных обществах и кружках, он писал своему другу и сокурснику В.И. Модестову: “Я думаю, что у меня нет никаких убеж-

⁴ *Васильевский В.Г. Византия и печенеги (1048–1094) // ЖМНП. 1872. Ч. 162. С. 116–165, 243–332. (Далее: Он же. Труды. СПб., 1908. Т. 1. С. 1–175).*

⁵ Причисленного к министерству Василья Васильевского отчет о новых сочинениях по римской истории // ЖМНП. 1864. Ч. 121.

дений... А ведь у меня убеждений-то в самом деле нет”⁶. Конечно, это было сказано слишком сильно: автор имел в виду убеждения такого рода, которые определяли бы всю общественную деятельность человека и присоединение к той или иной политической группировке. Живо интересовавшийся общественными и (как студент, а затем преподаватель) студенческими движениями в России периода реформ и в пре-реформенный период, Васильевский решительно сторонился политики, полагая, что к науке она не должна иметь никакого отношения. Случалось и ему, в контексте исторических аналогий, высказывать политические суждения, явно актуальные и открыто проецированные на положение дел в современном ему обществе и государстве, но он считал, что порожденные современностью политические идеи не могут, не должны влиять на направление исторической мысли. Во всяком случае оценку любой подлинно научной концепции с учетом политических симпатий или антипатий он считал совершенно недопустимой. Брань за политические убеждения в адрес того или иного древнего или нового автора должна исчезнуть, писал он, со страниц зрелого историка⁷.

Глубоко верующий человек, Васильевский тем не менее не придавал серьезного значения ни догматике, ни церковной обрядности. Саму религию он считал продуктом творчества людей на определенной стадии их духовного развития, которое определялось, однако, Верховным Началом (Идеей), направляющим мир и человечество к прогрессу, совершенству. Чем полнее эта Вышняя Идея воплощается в обществе и людях, тем благоприятнее и быстрее развитие⁸. Отличаясь широкой веротерпимостью, Васильевский все-таки отдавал решительное предпочтение христианству, поскольку (сравнительно с язычеством и мусульманством) оно было создано людьми на гораздо более высоком уровне образованности и культуры, а потому полнее и ярче воплотило в себе идеи добра, гуманности, любви, стремления к совершенству⁹. Как поборник исторической истины Васильевский стремился избежать в своих научных занятиях всяких проявлений профессиональных пристрастий. Он резко порицал католическую церковь (особенно Папский престол) и католических государей за отступление от заповедей в угоду догме, внешней обрядности, мирским выгодам, за проявления гордыни и жестокосердия, но обрушивался, когда имелся к тому конкретный повод, и на православных иерархов и василевсов – за те же пороки и проступки, за нетерпимость, неоправданное самомнение, своекорыстие и неискренность, присущую вообще “хитрой” и “подозрительной” Византии. И все-таки его симпатиях – вольных или невольных – на стороне православной церкви, православного правителя и православной страны, так как в периоды столкновений католический мир чаще прибегал к “рыцарскому мечу”, тогда как православный – более к “силе нравственной”¹⁰.

Близко знавший Васильевского И.М. Гревс писал о нем: “Хотя Василий Григорьевич был чужд вероисповедной исключительности и формализма внешнего благочестия, в нем было много глубоко-религиозных элементов в нравственной природе и умственном настроении. Он верил в высший смысл существования и в направление мировой жизни верховным началом к разумной цели. Он строил равновесие своей духовной жизни на идее эволюции мира к совершенству, рисовал себе, стало быть, и человечество идущим к прогрессу”¹¹.

⁶ Модестов В.И. В.Г. Васильевский. С. 161.

⁷ Васильевский В.Г. Рец. на диссертацию Ф. Соколова // Вестник Европы. 1886. Т. II. С. 113.

⁸ Васильевский В.Г. Обращение Гедемина... С. 185; Он же. Политическая реформа... С. 324; Гревс И.М. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки. СПб., 1899. С.25–26, 42, 47.

⁹ Васильевский В.Г. Византия и печенеги // Труды. 1. С. 77–78; Он же. Жена... С. 1.

¹⁰ Васильевский В.Г. Обращение Гедемина... С. 135–138, 147 и след.

¹¹ Гревс И.М. В.Г.Васильевский... С. 41.

В этой емкой фразе метко подмечены те основополагающие принципы, к которым восходили политические и исторические воззрения ученого. Прогресс неизбежен, и люди науки прежде всего обязаны ему содействовать всеми силами, ибо они в совокупности представляют черты человечества в будущем¹². Всякий застой Васильевский считал “явлением ненормальным и болезненным”, так как именно движение вперед является “законом жизни” для “здорового общественного организма”¹³. “Крайняя и упорная неподвижность, – писал Васильевский, – ведет в политической жизни к крайним и разрушительным переворотам”, так как, когда “содержание переросло старую форму”, неизбежно обострение социальных противоречий¹⁴, ведущих к беспорядкам, бесплодным в конечном итоге переделам имуществ, к ослаблению государства и к утрате его самостоятельности¹⁵.

Нарушение равновесия социальных сил в обществе означает нарушение хода его нормального развития. “...При помощи времени, – говорил ученый по поводу судеб афинской демократии, – всякий недуг мог быть устранен внутреннею работою самого организма, если бы этому не помешало внешнею возбуждение, нарушившее спокойное равновесие его сил”¹⁶. Средством обеспечения спокойной и благотворной эволюции, как и устранения или предупреждения разрушительных столкновений, может быть только компромисс – мысль, которая была высказана в Афинах более двух тысяч лет назад, но до сих пор несколько не утратившая “ни своей поучительности и приложимости, ни своего высокого достоинства и благородства”¹⁷.

Однако опыт истории, по мнению Васильевского, доказал, “что согласие двух элементов, находившихся в постоянной борьбе между собою, не могло явиться само собою без третьего уравнивающего элемента”¹⁸. Этот третий элемент – власть монарха, опирающегося на людей среднего достатка – “средний класс” (состоящий из “людей благоразумной и умеренной середины, обыкновенно составляющих большинство”¹⁹) – и неукоснительно и беспристрастно следующего закону, ибо “для всех без исключения классов и состояний – полезнее и выгоднее прочный и справедливый порядок, чем пользование ненавистными привилегиями или стремление к радикальным мерам”²⁰.

Принцип сохранения равновесия, стабильности исторически сложившегося соотношения сил как необходимого условия для продвижения человечества по пути прогресса или хотя бы для сохранения достигнутого уровня более развитой, более культурной частью мира Васильевский распространяет на отношения между целыми регионами, между коалициями государств и между отдельными странами. Так, многовековое противостояние мира христианского миру мусульманскому и языческому (кочевому) – историческая реальность, обусловленная всем ходом истории. Чтобы избежать крупных потерь и тяжких бедствий для христиан в ходе этого противостояния, христианский мир должен забыть о разногласиях и раздорах, стремиться к единению своих сил, преследуя свою главную цель²¹.

¹² *Васильевский В.Г.* Граф И.Д. Делянов // ЖМНП. 1898. Ч. 315 (начало тома: некролог не имеет постраничной нумерации).

¹³ *Модестов В.И.* В.Г. Васильевский. С. 155.

¹⁴ *Васильевский В.Г.* Политическая реформа... С. 105–106, 130.

¹⁵ Там же. С. 7, 130, 136, 158, 324, 326.

¹⁶ Там же. С. 325–326.

¹⁷ *Васильевский В.Г.* Взгляд Грота на историю Афинской демократии // ЖМНП. 1867. Ч. 134. С. 110–111.

¹⁸ *Васильевский В.Г.* Политическая реформа... С. 7–8.

¹⁹ *Васильевский В.Г.* Взгляд Грота... С. 99, 138; *Он же.* Политическая реформа... С. 227.

²⁰ *Васильевский В.Г.* Взгляд Грота... С. 138.

²¹ *Васильевский В.Г.* Византия и печенеги... С. 79, 94–95; *Он же.* Союз двух империй (1148–1155 гг.) // Славянский сб. 1875. Т. III. С. 210. (Далее: *Он же.* Труды. 1930. Т. 4. С. 18–105). Сила мусульман состояла, по мнению ученого, в разобщении сил христианского мира.

Указанное желательное и, по мысли ученого, теоретически вполне достижимое единение христианских стран и народов не исключает (во всяком случае не исключало) также исторически сложившегося разделения христианского мира на два региона: католический и православный, которые хотя и в меньшей мере, чем в предыдущем случае, но также противостояли и противостоят друг другу. Естественно, в данном случае Васильевский подчеркивает как идеальную ситуацию согласие и единение православных стран (Византии, Руси, Болгарии, Сербии) в их противостоянии давлению романо-германского мира²².

Васильевский – безусловно русский ученый, представитель русской исторической школы (его учителями были И.И. Срезневский, М.М. Стасюлевич, М.С. Куторга, Н.А. Благовещенский), следы “русского патриотизма” можно различить на страницах его книг. Но одновременно он европейский (даже западноевропейский) ученый, и по выучке, и по уровню, и по мировосприятию. Т. Моммзена сам Васильевский числил среди своих непосредственных учителей (как оно и было на самом деле). Прекрасно осведомленный и в старых и в новых течениях на Западе в сфере антиковедения и медиевистики (включая византиноведение), Васильевский разделял, разумеется, главные положения и методологические установки современной ему западной и русской позитивистской историографии, занимавшей тогда ведущее место в развитии исторической мысли²³. Утверждение позитивизма свидетельствовало, несомненно, о значительном прогрессе в области исторического познания.

Здесь нет возможности сколько-нибудь полно проследить черты позитивизма в научном творчестве Васильевского (это особая самостоятельная тема). Отметим лишь некоторые, наиболее общие из установочных положений и методологических принципов Васильевского как ученого-историка, которые позволяют отнести его, без каких бы то ни было сомнений, к представителям позитивистской историографии.

Как и многие историки-позитивисты Запада, современники русского ученого, а также как и его коллеги в России, он расценивал ход исторического процесса как совершающуюся в соответствии с объективными закономерностями эволюцию человеческого общества по пути прогресса. На темпы и глубину этого процесса влияло множество факторов, включая способности, пороки и темперамент государственных деятелей (и даже целых народов, для которых была характерна та или иная “этнографическая” доминанта в поведении и психике)²⁴.

Как и другие позитивисты, Васильевский придавал огромное значение социально-экономическому фактору, в частности аграрным отношениям, взаимодействию деревенской общины и вотчины, проблем континуитета и переворота в отношениях собственности и в социальных отношениях в деревне, наконец, вопросу о синтезе романских и “варварских” институтов в становлении нового общественного строя, характеризующегося вовлечением бывшего свободного крестьянства в поземельную и личную зависимость, иерархической структурой земельной собственности, юридически регулируемой вассально-ленной системой и утверждением частнопредваровой компетенции крупного собственника в пределах своего поместья. Что же касается высшей государственной власти, то независимо от различий ее конкретных форм в странах средневековой Европы она осталась надклассовой структурой, выполняя

²² *Васильевский В.Г.* [Рец.] Всеобщая история в четырех томах Оскара Иегера // ЖМНП. 1898. Ч. 318. С. 168; *Он же.* Визант. врем. за 5 лет. С. 139.

²³ *Курбатов Г.Л.* История Византии (историография). Л., 1975. С. 85, 106.

²⁴ *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. // ЖМНП. 1875. Ч. 178 (см.: Труды. 1908. Т. I). С. 319 и след.; *Он же.* Очерки истории г. Вильны. С. 78; *Он же.* Предисловие к Рейнольда Гейденштейна запискам. о Московской войне (1578–1582) // Пер. с лат. Изд. Археограф. комиссии. СПб., 1889. С. XXVII.

роль арбитра в отношениях между классами, сословиями и иными социальными прослойками общества. Данный общественный строй, в котором в качестве определяющих признавались вассально-ленные отношения и частновладельческая (сеньориальная) юрисдикция, определялся в историографии второй половины XIX в. (и прежде всего в позитивистской) как строй феодальный²⁵.

Следует отметить, однако, и некоторые нюансы в позитивистской в целом позиции Васильевского. Он принадлежал к тому новейшему течению в позитивизме (80 – 90-е годы), в котором социально-экономическому фактору отдавалась приоритетная роль. “Подкладкою” явлений политических, писал он, являются прежде всего экономические, а затем и социальные²⁶. И еще: прежде чем “восторжествовать в области политической, надо было восторжествовать в области экономической и социальной”²⁷. Общине (особенно общине славянской, распространившейся в империи в VII–VIII вв.) он придавал решающее значение и в экономической и социальной истории Византии в VIII–X вв., и в преодолении глубокого кризиса империей в IX в., и в упрочении воинских сил государства, и в укреплении высшей императорской власти. Попутно Васильевский решительно отверг всякие предпринимавшиеся уже в его время (и продолжающиеся до сих пор) попытки приписать общине фискальное (государственно-административное) происхождение: закон, облагая общину налогами и связывая круговой порукой, писал он, следовал здесь за тем, “что уже существовало в жизни” (т.е. естественно-исторически сложившимися общинными порядками), а не был демиургом общины²⁸. Не отрицал русский ученый и значения римско-эллинических институтов, признавая теорию синтеза как основы генезиса феодализма и избегая крайностей и романистической и германистической теории²⁹.

Роднит Васильевского с позитивистской школой и методика исследовательской работы, для которой характерны максимально широкий круг источников, комплексное использование материала смежных дисциплин (археологии, ономастики, нумизматики, эпиграфики и т.п.), всесторонняя критика источника, который исследуется в его целостности и единстве, выяснение обстоятельств возникновения источника, строжайшее различие сообщаемого информантом факта от его объяснений факта, восхождение от известного к неизвестному, историко-сравнительный анализ, максимально беспристрастная интерпретация фактов после их всесторонней проверки и т.п.

Особенно большое значение Васильевский придавал последнему из перечисленных методических принципов (беспристрастию). Об этом он говорил часто, во многих своих работах. “Фукидид стоит, – писал он, – конечно, выше всяких партий. Но именно высота исторического беспристрастия – такое редкое, недоступное для мысли многих явление, что большая часть новых историков сознательно или бессознательно сводят его с этой высоты”³⁰. Полный тревоги за судьбы русской науки, за ее уровень, который, по его мнению, еще существенно уступал западноевропейскому, Васильевский со страстью клеймил всякие проявления недобросовестности и пристрастности в современной ему отечественной историографии³¹ “...Ложь не может быть оправдана любовью к родине, – говорил он, – или ненавистью к врагу”³². Объективность – высший долг исто-

²⁵ Курбатов Г.Л. История... С. 85–93.

²⁶ Васильевский В.Г. Материалы по внутренней истории Византийского государства // ЖМНП. 1879. Ч. 202. С. 166; *Он же*. Лекции по средней истории. 1894. Т. III. С. 11.

²⁷ Васильевский В.Г. Материалы... Ч. 202. С. 168.

²⁸ Васильевский В.Г. Земледельческий закон // ЖМНП. 1878. Ч. 200. С. 105–106.

²⁹ Курбатов Г.Л. История... С. 107–111.

³⁰ Васильевский В.Г. Политическая реформа... С. 47.

³¹ Васильевский В.Г. Рец. на: Черноморье: Сб. исслед. по ист. географии южной России Ф. Бруна. Одесса, 1879. Ч. 1 // ЖМНП. Ч. 206. С. 102; *Он же*. О мнимом славянстве гуннов, болгар и роксолан // ЖМНП. 1880. Ч. 222. С. 143; *Он же*. Еще раз о мнимом славянстве гуннов // ЖМНП. 1883. Ч. 226. С. 367.

³² Васильевский В.Г. Взгляд Грота... С. 91.

рика. Без нее нет науки, а науку он называл “первой потребностью человека”, так как “она одна может поистине привести к улучшению положения человека на земле”³³.

Ограничимся этой беглой характеристикой общих историософских, политических и нравственных воззрений ученого и его исследовательского метода. Обратимся теперь к конкретным выводам и концепциям, которые выдвигал и отстаивал Васильевский в своих трудах по истории Византии. Прежде всего об уже упоминавшейся его первой работе по византиноведению – “Византия и печенеги”.

Отнюдь не отвергая значения внутренних, образовавшихся в западноевропейском обществе (особенно в его высших слоях и среде рыцарства) предпосылок Первого крестового похода, Васильевский указывает как на его непосредственную, главную причину на не оцененный в науке (или весьма слабо оцененный) фактор – печенегов и половцев причерноморских степей. Основательно и убедительно он доказывает, что именно кочевники в 1086–1091 гг., накануне крестового похода, решили судьбу Византии. В 1086 г. печенеги перешли Дунай, вторглись в балканские владения империи и наголову разгромили ее армию. Власть императора (Алексея I Комнина) за пределами ближайшей округи Константинополя стала призрачной. Зимой 1090/91 г., когда печенеги вступили в союз со смирнским эмиром Чаканом, обладавшим сильным флотом, для одновременной осады столицы с суши и моря и когда Византия, по признанию самого императора, оказалась на краю гибели, Алексей I предпринял две отчаянные акции в поисках спасения. Во-первых, он обратился к графу Роберту Фландрскому (Фризскому), с которым был лично знаком, и к другим государям Западной Европы с воззванием, обещая им за помощь самый Константинополь и все сокровища казны (Васильевский скурупулезно и остроумно обосновывает подлинность этого документа, сохранившегося в латинском переводе, отводя все сомнения научной критики).

Во-вторых, он призвал на помощь враждующих с печенегами половцев, обещая им большую награду. 29 апреля 1091 г. в битве при Левунии во Фракии печенеги понесли сокрушительное поражение. Одни кочевники поставили империю на край гибели, другие принесли ей спасение, резюмирует Васильевский. Печенеги не тревожили более Византию. Половцы ушли за Дунай. Империя укрепилась, а потому холодно и настороженно встретила в 1096–1097 гг. сначала ополчение Петра Пустытника, а затем и главные силы – рыцарское войско, первоначальной основной целью которых была именно помощь империи, спасение Константинополя, а не освобождение “Гроба Господня”. Своекорыстная позиция империи, стремившейся присвоить себе плоды побед крестоносцев над мусульманами для возвращения своих потерянных владений на Востоке, стала, по Васильевскому, одной из главных причин конечной неудачи Первого крестового похода, хотя не малая доля вины лежала и на западных рыцарях, отметивших бесчинствами свой путь на Балканах через земли империи и ставивших впоследствии ни во что свои соглашения с Алексеем I.

Главную цель своей работы “Византия и печенеги” он усматривал, однако, не в изучении событий самого Первого похода крестоносцев, а в том, чтобы показать ученой публике, особенно западной, что уяснение крупнейших событий европейской истории невозможно при западноевропоцентристской позиции, исключаяющей из поля зрения на самом деле втянутые в изучаемые события, прямо или косвенно, население Древней Руси и кочевников Причерноморья. Кстати говоря, весьма важны сделанные Васильевским в рассматриваемой работе два наблюдения относительно Древней Руси: перед битвой при Левунии войско Алексея I было воодушевлено тем, что 5-тысячный отряд русов, заметив колебания половцев, с которыми он при-

³³ Гревс И М Василий Григорьевич... С. 47.

шел на Балканы, отделился от них и добровольно присоединился к войску императора; обращает ученый внимание и на обстоятельство, позволяющее судить о соотношении сил государств той эпохи: русские летописи о нашествиях на русскую землю печенегов в 70–80-х годах XI в., о битвах с ними и победах русских князей сообщают в спокойном тоне как о заурядном явлении, нападение же отброшенных от границ Руси печенегов на империю обернулось для нее страшной трагедией.

Удивляет, пишет ученый, не тот факт, что помогавшие Алексею I половецкие ханы Тугоркан и Боняк не догадывались о своей решающей роли в спасении империи, – поражает непонимание этого современными исследователями. Упомянутые ханы не знали ни папы, ни графов, но и их, в свою очередь, “не хотели знать не только благочестивые повествователи о папе Урбане на Клермонском соборе и о Петре Амьенском, но и новейшие исторические исследователи, привыкшие, подобно своим средневековым предшественникам, смотреть на ход истории только под своим углом зрения”³⁴.

Пора, однако, сделать оговорку, которая должна иметь силу для всего дальнейшего изложения. Здесь не место для критического разбора научных заключений и представлений Васильевского. Конечно, за сто и более истекших лет наука ушла далеко вперед: стали известны новые источники, критически переизданы старые, умножилось число исследователей, усовершенствовалась методика работы. Изложение выводов ученого не преследует цели дать перечень тех из них, которые сохранили полностью свою научную значимость до сих пор. Цель данной заметки – дать представление о месте творчества Васильевского в процессе исторического познания, о том, что нового – для времени жизни Васильевского – вносили его труды в византиноведческие исследования.

Сразу же вслед за рассмотренной выше темой (Византия и печенеги) Васильевский обратился к проблеме русско-византийских отношений. Труды ученого в этой области имели решающее значение для утверждения в российском византиноведении устойчивой традиции – постоянно держать эту тему в числе приоритетных. Ее изучение он считал научным долгом русских византинистов по двум главным причинам: так как Византия оказала огромное влияние на все стороны жизни Руси и так как данная тема (и даже история Византии вообще) более доступна православным людям славянского происхождения, ибо связана с самим “русским самосознанием”³⁵.

Приступая к исследованию, Васильевский подчеркивал, что ни в коей степени не считает себя компетентным в коренных вопросах русской истории и потому не намерен ввязываться в спор норманистов и антинорманистов³⁶. Он ставит в центр внимания три положения, широко признанные в отечественной историографии: 1) что известное в Византии с XI в. имя “варягов” связано с прибытием туда в 980 г. варяжской дружины, изгнавшей из Киева, по летописи, за бунт князем Владимиром; 2) что византийцы с самого начала (т.е. с XI в.) всегда и везде отличали варягов от русов и нигде их не смешивали; 3) что Русь XI столетия, безусловно, Русь славянская.

Считая третье положение бесспорным, Васильевский занялся двумя другими, особенно вторым, показав их полную несостоятельность. Труд “Варяго-английская и варяго-русская дружина в Константинополе XI и XII веков” вышел двумя выпусками в 1874 и 1875 гг. и, несмотря на скромно очерченную цель, приведенную выше оговорку о “некомпетентности” и о намерении проверить расхожие мнения свидетельствами византийских современников, произвел сенсационное впечатление на научный мир. В 1876 г. 38-летний ученый был избран членом-корреспондентом Российской

³⁴ Васильевский В.Г. Труды. Т. I. С. 96 (Византия и печенеги).

³⁵ Васильевский В.Г. Византийский современник за 5 лет. С. 134–138.

³⁶ Васильевский В.Г. Труды. Т. I. С. 180–181.

Академии наук, а в 1878 г. Московский университет присудил ему за этот труд honoris causa ученую степень доктора по русской истории (именно русской – и Васильевский открыто гордился этим).

Верный своей исследовательской манере, в ходе работы Васильевский многократно расширил рамки работы: в его поле зрения оказались все события и регионы (не только в Византии, на Руси и в Скандинавии, но и на Кавказе, в Англии и Италии), связанные с упоминанием в источниках X–XI вв. “Руси” и “варягов”; помимо греческих и русских, в ход пошли источники скандинавские, латинские, восточные. Снова был произведен тщательный критический анализ всех данных источников. Именно Васильевскому принадлежит заслуга установления относительной достоверности содержащихся в исландских сагах песен скальдов в отличие от основанных на легендах самих саг³⁷.

Ход рассуждений ученого во многом ретроспективен: от известного к неизвестному. Коротко его выводы сводились к следующему.

Имя Руси (прилагавшееся тем чаще, чем древнее источник, к народу, а не к территории), вне всякого сомнения, на его взгляд, не славянское. Но оно не имело в X в. никакого отношения и к скандинавам-варягам. Древние русы-наемники появились в византийском войске скандинавов и никогда “варягами” в этническом смысле не назывались. Варяжский корпус прибыл в Константинополь впервые с Руси – и не в 980, а в 988 г. в результате союзного договора Владимира и Василия II Болгаробойцы. С численным увеличением наемников в империи, прибывших и прибывавших с севера, как скандинавов, так и русов (упомянутый корпус насчитывал 6 тыс. воинов), понятие “варяг” обрело значение рода занятий и статуса привилегированного иноземного воина-наемника, каково бы ни было его этническое происхождение. Тогда же (с конца X и особенно в XI в.) наименование “варяги” было постепенно распространено и на наемников-русов, которые сами стали также именовать себя подобным образом, не вкладывая в этот термин никакого этнического содержания³⁸.

Не была Русь скандинавской, и в IX в. Летописная же легенда о призвании варягов в 862 г. абсолютно неверна, полагает Васильевский, и находится в вопиющем противоречии со всем ходом исторического процесса, не говоря уже о том, что она не выдерживает никакой источниковедческой критики. Пора перестать, полагал он, “толочь воду в скандинавской ступе”: Русь успела консолидироваться политически до прихода скандинавов³⁹. Доказательство этого тезиса Васильевский предпринял в более поздней работе, исследование же о варяго-русской дружине он довел до конца, до последней четверти XI в., когда на смену ей в Византии пришла дружина варяго-английская.

До 70-х годов XI в. варяго-русская дружина предстает как одна из наиболее боеспособных частей центрального (тагмного) войска воинов-профессионалов, перебрасываемая по мере надобности из конца в конец империи во всех наиболее тяжелых военных кампаниях против как внутренних, так и внешних врагов императора. В 988/989 г. варяго-русский корпус сыграл главную роль в разгроме войска узурпатора Варды Фоки. Тем самым были спасены не только трон, но и жизнь императоров Василия II Болгаробойцы и его брата Константина VIII. Оставленные в Византии с согласия князя Владимира варяго-русы сражались и на Кавказе, и в Сирии, и в Болгарии, и в Южной Италии и на Сицилии. Положение изменилось к концу 60-х годов в силу прежде всего перемен на Руси: она не могла более расточать свой воинский потенциал в условиях противостояния половецкой угрозе и феодальной раздробленно-

³⁷ Там же. С. 242.

³⁸ Там же. С. 376.

³⁹ Васильевский В.Г. А.А. Куник (Некролог) // ВВ. 1899. Т. VI. С. 612.

сти. Вскоре после битвы при Гастингсе (1066 г.), определившей норманнское завоевание Англии, множество англосаксонских рыцарей-изгоев предложили империи купить единственное, что у них осталось, – их воинское искусство и постепенно заняли место варяго-русов⁴⁰.

Завершая исследование о дружине, Васильевский выразил уверенность, что его выводы используют и норманисты и антинорманисты (каждые в своих видах), но он сам – ни с теми, ни с другими, не желая оказаться в противоречии с наукой. Он считал, что скандинавская теория происхождения Русского государства осталась не поколебленной, так как ее подкрепляют два непреложных факта: неславянские имена первых русских князей и названия днепровских порогов⁴¹.

Однако и на вопрос “откуда есть пошла Русская земля” Васильевский также попытался дать, хотя и косвенно, свой ответ. Говоря о том, что скандинавская теория не поколеблена, писал он, он не хотел сказать, что она непоколебима⁴². В 1877–1878 гг. в основном, а затем, перерывом, в 1889 г. (последняя из работ этого цикла) он опубликовал исследования устанавливаемых им исторически достоверных фактов, содержащихся в четырех житиях святых: Стефана Нового, Иоанна Готского, Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Именно в ходе критического источниковедческого анализа этих весьма сложных по происхождению, составу и рукописной традиции памятников Васильевский продемонстрировал высоты своего мастерства историка-аналитика⁴³.

Результаты изучения всех этих житий служили логически единой цели, хотя, казалось бы, выводы по первым двум из них стояли абсолютно особняком: согласно “Житию Стефана Нового” (написанному, как устанавливает ученый, около 808 г.), во время иконоборческих гонений, во всяком случае до 765 г., множество верных ортодоксальному православию (иконопочитателей) бежало в поисках спасения из прилегающих к югу к Черному морю провинций империи в готские поселения в Крыму и Приднепровье – осколку некогда могущественного в этом регионе готского политического объединения⁴⁴; согласно “Житию Иоанна Готского” (составленному до 728 г., т.е. до начала иконоборческой эпохи), те же непосредственные контакты между Крымом и южным побережьем Черного моря осуществлялись и в первой четверти этого столетия.

Именно Васильевскому принадлежит заслуга обнаружения и обоснования достоверности свидетельств двух других житий о походах Руси на владения империи задолго до принимаемой норманистами даты основания Русского государства (призвание варягов в 862 г.): о походе на рубеже XIII–IX вв. на Сурож-Судак в Крыму (Житие Стефана Сурожского) и походе Руси в период между 820 и 842 гг. на южное побережье Черного моря, в частности на Амастриду (Житие Георгия Амастридского).

Как известно, эти выводы Васильевского, когда они были восприняты советскими византинистами, вызвали решительные возражения западных ученых в 40–50-х годах нашего столетия. Но вопрос вряд ли может считаться решенным: И. Шевченко подкрепил аргументацию Васильевского новыми наблюдениями, позволяющими даже несколько сузить время примерной датировки похода Руси на Амастриду (между 825 и 842 гг.)^{44а}.

⁴⁰ *Васильевский В.Г.* Труды. Т. I. С. 355 и след., 378–401. О варяго-руссах см. там же.

⁴¹ *Васильевский В.Г.* Труды. Т. I. С. 377.

⁴² Там же. С. 401.

⁴³ *Васильевский В.Г.* Житие Стефана Нового // ЖМНП. 1877. Ч. 191 (Труды. СПб., 1912. Т. II. С. 297–350); *Он же.* Житие Иоанна Готского // Там же. 1878. Ч. 195 (Труды. Т. II. С. 352–427); *Он же.* Житие Георгия Амастридского // Труды. СПб., 1915. Т. III. С. III–CXLI, 1–76; *Он же.* Житие св. Стефана Сурожского // Русско-византийские исследования. СПб., 1893 (Труды. Т. III. С. CXLI–CCLXXVIII, 7–98).

⁴⁴ *Васильевский В.Г.* Труды. Т. III. С. CCLXXV–CCLXXXII.

^{44а} *Ševčenko J.* Hagiography of the Iconoclast Period: Iconoclasm. Birmingham, 1977. P. 121–125.

Отвечая на вопрос о том, какая это была Русь, Васильевский высказывает предположение, что ею в равной мере могла быть Русь Приднепровская или Тмутараканская, но не славянская и никак не скандинавская, а готская; в результате готская теория происхождения Русского государства представляется ему более подходящей, чем скандинавская⁴⁵.

Сколько-нибудь полное обозрение работ Васильевского о русско-византийских отношениях здесь, разумеется, невозможно. Подчеркнем, однако, что всем им присуща общая тенденция, один тезис, успешно отстаиваемый автором: отношения Руси и Византии, мирные и враждебные, происходили не где-то, на “краю ойкумены”, вдали от “стобовой дороги истории”, а активно воздействовали на ситуацию в Европе, составляли интегральную часть общеевропейского исторического процесса. Особенно ярко это показано Васильевским в работе “Союз двух империй”, в которой ученый вскрывает причины и следствия участия в войне Византии с Венгрией Киевской Руси (на стороне Венгрии) и Галицкой и Ростово-Руздальской (на стороне Византии)⁴⁶.

Среди трудов Васильевского по международным отношениям необходимо упомянуть о работах по истории южных славян. Снова неожиданную актуальность, спустя сто лет, обрела его полемика с Д.И. Иловайским об основных занятиях и культурном облике древних славян. Он решительно отбрасывает идею своего оппонента об изначальном кочевничестве славян, обращает внимание на бесспорные данные источников (не зная, разумеется, не менее бесспорных свидетельств последующих массовых археологических изысканий) о том, что славяне с момента их появления на арене истории предстают как оседлые земледельцы. Земледелие, пишет ученый, “признак не случайный... нельзя по произволу переходить от одного состояния к другому... народы известного племени достигают более высокой степени вместе и сообща и уже с нее не сходят вниз”⁴⁷. Вся история (начальная и последующая) славянства, быт, характер его культурного и этнического облика – все приходит в неразрешимое противоречие с допущением Иловайского, трактовка которого не имеет никакой опоры во всем том, что знает наука о путях культурного развития индоевропейских народов, к которым принадлежали и славяне⁴⁸. Если когда-то из предки и пережили кочевническую стадию, то в письменных памятниках она уже не нашла никакого отражения⁴⁹.

Касаясь истории южных славян, Васильевский уделял особое внимание Болгарии и болгарам, нередко проводя при этом мысль о том, что периоды острой вражды между ними и византийцами (с разной долей вины обеих сторон в разное время) дурно отражались на развитии обеих стран. Завоевание Болгарии Василием II Болгаробойцей в 1018 г., стоившее огромных жертв и затраты громадных сил, было, по его мнению, трагической ошибкой Византии. Империя собственными руками разрушила достаточно прочный барьер между своими границами и “дикой” северочерноморской степью, открыв ворота кочевникам в глубь своих балканских владений⁵⁰.

Борьбу болгар за восстановление своей государственности, увенчавшуюся созданием Второго Болгарского царства, Васильевский считал вполне закономерной и естественной, хотя эта борьба означала новый период острых раздоров (прискорбных, по нравственным понятиям ученого) в пределах православного мира. Характер-

⁴⁵ Васильевский В.Г. Труды. Т. III. С. CCLXXXII–CCLXXXIII.

⁴⁶ Васильевский В.Г. Союз двух империй (1148–1155 гг.) // Славянский сборник. Т. II. С. 187 (Труды. Л., 1930. Т. IV. С. 18–138).

⁴⁷ Васильевский В.Г. О мнимом славянстве... С. 148.

⁴⁸ Васильевский В.Г. Еще раз о мнимом славянстве... С. 383.

⁴⁹ Там же. С. 383, 391.

⁵⁰ Васильевский В.Г. Византия и печенеги... С. 7.

на уже сама по себе та быстрота, с которой Васильевский откликнулся на монографию Ф.И. Успенского “Образование Второго Болгарского царства”. В том же 1879 году, в каком вышла книга, ученый успел и написать на нее рецензию, равновеликую книге по объему, и опубликовать рецензию в журнале⁵¹. Васильевский скрупулезно отметил все недочеты в работе своего младшего современника, на многих примерах показал, что автор либо не исчерпал, либо неточно истолковал свидетельства такого ценного (до работы Успенского мало использованного историками) источника, как письма Феофилакта Болгарского, дал собственное объяснение многим явлениям и событиям. В частности, прав скорее Васильевский, отвергнувший вывод Успенского о неком восстании богомилов на западе болгарских земель во время архиепископства Феофилакта, хотя они (богомилы) сыграли свою роль (отрицаемую Успенским) в победоносном восстании болгар против Византии в 1185 г.⁵² По признанию самого Успенского, рецензия Васильевского – это вторая монография на ту же тему, и чтобы в ней разобраться, нужно читать обе книги одновременно.

Вторая работа Васильевского, посвященная непосредственно истории Болгарии, – “Обновление болгарского патриаршества при царе Иоанне Асене II в 1235 г.”. Тема работы, как это обычно у Васильевского, значительно шире ее названия: речь идет в сущности о политической ситуации на Балканах в первой половине XIII в., о борьбе за гегемонию на полуострове (за “византийское наследство”) Болгарии, Эпирского царства, Никейской и Латинской империй. Верный своей методе – при малейшей возможности непременно использовать не введенные до него в научный оборот новые источники, – Васильевский поднимает (по неизданным греческим рукописям) целый пласт свежего материала – письма митрополита Иоанна Навпактского. Около 30 из них Васильевский и опубликовал впервые в приложении к данной работе⁵³.

Васильевский показал решающую роль Болгарии в этот период в главном конечном итоге сложной борьбы на Балканах: разгром сил крестоносцев в 1205 г. под Филиппополем Калояном предопределил участь Латинской империи; победа болгар в 1230 г. при Клокотнице исключила Эпирское царство из числа претендентов на “византийское наследство”, союзные договоры 1232, 1234 и 1235 гг. (восстановление болгарского патриаршества) с Никейской империей сковали силы не только латинян Константинополя, но и их союзников на Западе⁵⁴. При Калояне обстоятельства благоприятствовали тому, чтобы болгарский государь (игра которого с папством была не более чем тактическим приемом) стал главой православного сообщества на Балканах – не благоприятствовал этому необузданный, злопамятный нрав Калояна; в конце 30-х годов обладателем всех нравственных качеств для лидера православных на Балканах оказался Иван Асень II, но обстоятельства уже не благоприятствовали этому⁵⁵.

Исследования Васильевского в сфере международных отношений Византии имели огромное значение для византиноведения в целом, но по сути дела, преимущественным вниманием они пользовались у специалистов восточнохристианского (в лучшем случае славянского) региона Европы. Но в одной сфере – в области исследования внутренней (экономической, социальной, правовой) истории Византийской империи труды Васильевского имели поистине мировой резонанс. В период творческо-

⁵¹ *Васильевский В.Г.* [Рец.] Ф.И. Успенский. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879 // ЖМНП. 1879. Ч. 204.

⁵² Там же. С. 165, 213–216.

⁵³ См. также его дополненное изд.: *Васильевский В.Г.* *Epitotica saeculi XIII* // ВВ. 1896. Т. 3. С. 233–299. Источники содержат ценнейшие сведения также по хозяйственной, культурной, этнической истории народов Эпира и Македонии в XIII в.

⁵⁴ *Васильевский В.Г.* Обновление... // ЖМНП. 1885. Ч. 238.

⁵⁵ Там же. С. 9, 12, 26, 49–56.

го подъема в конце 70-х – начале 80-х годов вышла в свет целая серия его работ, посвященных указанной проблематике⁵⁶.

Для памяти ученого было бы оскорбительным и несправедливым допустить самую мысль о том, что он заранее ставил в своем научном исследовании цель обосновать ту или иную теорию (концепцию, идею)⁵⁷. Однако объективно результаты его творческих поисков в сфере внутренней социально-экономической истории Византии навсегда похоронили гиббоновскую идею (как и ее новейших приверженцев) об особом, принципиально отличном от путей развития Европы ходе исторической эволюции Византии (по существу исключенной из общего движения к прогрессу западноевропейских государств и неудержимо идущей к своей гибели).

Васильевский доказал, что Византия в продолжение всей своей истории составляла интегральную часть европейского и близневосточного исторического пространства, что она постоянно находилась в сложном и многогранном взаимодействии со странами Европы и Азии, будучи одновременно и барьером и средоточием между ними, что при всем историческом обусловленном своеобразии общественного строя империи (черты этого своеобразия Васильевский сам тщательнее выявлял и подчеркивал) ее развитие определялось теми же общими закономерностями, которые были характерны для средневековой Европы. Собственные научные занятия убедили Васильевского в том, что в отрыве от общеевропейской истории невозможно понять процессы внутренней эволюции Византии, но нельзя составить полноценной панорамы развития Европы (как Западной, так и Центральной и Восточной) без учета византийского влияния и “византийского опыта”⁵⁸.

История Византии XII–XIII вв. как общественно-политическая система по крупному счету находилась в едином потоке истории феодальной Европы. Общественный строй империи эволюционировал, хотя и с запозданием, хотя и не в классических (западноевропейских) и не в законченных формах, как строй феодальный.

От Восточноримской империи Византия унаследовала крупное землевладение и колонат (“крепостную”, как говорит ученый, крестьянскую зависимость). Эпоха “варварских”, прежде всего славянских, вторжений VI–VII вв. привела к крушению крупного землевладения, а вместе с ним и колоната. На смену старым порядкам в деревне пришли новые: свободная сельская община, мелкое крестьянское землевладение. Свободное крестьянство (этот поистине “средний класс”), став налогообязанным и военнообязанным, и составило экономическую, социальную и военную опору центральной власти. “Нет сомнения, – писал Васильевский, – что жизненная энергия, обнаруженная Византией в борьбе с арабами и болгарами, находится в связи с этим приливом новых сил, с улучшением экономических основ государственного быта”⁵⁹.

На рубеже IX–X вв. наступила эпоха кризиса и византийской деревне: на крестьянскую общину развернули широкое наступление укрепившиеся в провинциях (фемах) магнаты-динаты и все менее послушное высшей власти коррумпированное чиновничество (и в центре и на местах). Самыми разными способами они овладевали крестьянскими землями, превращая их бывших владельцев (свободных налогоплательщиков и воинов фемного ополчения) в своих “крепостных”, париков-присельников.

⁵⁶ *Васильевский В.Г.* Законодательство иконоборцев // ЖМНП. 1878. Ч. 199; 1878. Ч. 200; *Он же.* О синодальном списке Эклоги императоров Льва и Константина // ЖМНП. 1879. Ч. 201; *Он же.* Материалы для внутренней истории Византии // ЖМНП. 1879. Ч. 202; 1880. Ч. 210; *Он же.* Книги законные // ЖМНП. 1886. Ч. 243.

⁵⁷ Эти штампы (“ставит цель”, “ищет средний путь”, “стремится доказать”) нередко мелькают в западной историографии при упоминании работ бывших “советских”, хотя там порой и не “стремились” и не “ставили цель”, а повторяли “зады” из Васильевского.

⁵⁸ *Васильевский В.Г.* Византийский временник за 5 лет. С. 136; *Он же.* [Рец.] Всеобщая история... С. 166–168.

⁵⁹ *Васильевский В.Г.* Материалы... Ч. 202. С. 161.

Императорская власть целой серией законодательных актов (новелл императоров Македонской династии) пыталась помешать этому стихийному процессу. Однако в XI в. власти торжествовали победу: парикия стала преобладающей формой отношений в деревне, что повлекло за собой упадок империи. Пронграв в сфере экономической и социальной, императоры сумели все-таки сохранить позиции в сфере политической: феодализм оказался в Византии незавершенным – власти добивались налоговых изъятий (экскуссии), но не получали права высшей юрисдикции в своих поместьях и полного исключения из сферы публично-правовых отношений.

Начав исследование феодальных институтов “снизу”, с отношений крестьян с крупными землевладельцами, Васильевский констатирует, что “крепостная зависимость” париков – фактор далеко не достаточный для определения общественного строя империи в качестве феодального. В соответствии с принятой в его время в медиевистике трактовкой феодализма ученый первым указал и на “подлинные” “зародыши феодального порядка” в Византии⁶⁰ – на пронии (жалуемые императором права знатным людям на сбор в свою пользу налогов с определенной территории) и харистики (раздачу частным лицам в управление с правом пользования доходами монастырских владений). Указав на принципиальную близость этих институтов в Византии XI–XII вв. к западным бенефициям и русским кормлениям, Васильевский писал: “Новые историки очень охотно говорят о феодализме в Византийском государстве в век Комнинов и Ангелов и большей частью ограничиваются внешними, несущественными, а часто и ложными признаками подобия в учреждениях, но от них ускользает именно наиболее напоминающая первоначальные феодальные учреждения система проний”⁶¹.

Напомним сделанную выше оговорку – с тех пор прошло более ста лет. Но именно Васильевский впервые в мировой историографии поставил на твердую научную почву изучение аграрных отношений в Византии. Первым обосновал он и тезис о феодальном характере общественного строя в Византии. Его проникновенный анализ аграрной, податной, юридической (сложной и многозначной) терминологии византийского актового материала и правовых памятников, как и его разыскания в византийской метрической и монетной (в ее отношении к римской) системах, дал исследователям ключ к уяснению ранее полупонятных или вовсе непонятных документов.

Весьма существенны результаты исследования Васильевского и в сфере римско-византийского права – “в наиболее важной, как говорил он, области человеческого и общественного развития”⁶². Именно он доказал, что и “Земледельческий закон” и “Эклога” являются результатом правотворчества императоров-иконоборцев и явно ориентированы на регулирование отношений в недрах славянских поселений в империи и их отношений с властями⁶³. Вопреки сильному тогда в России славянофильским тенденциям Васильевский высказывал твердое убеждение в том, что “Закон судный людем” не более чем славянская переделка “Эклоги” и вообще, что всякий раз, когда встречаются одинаковые нормы в памятниках права славян и Византии, следует делать вывод о бесспорно византийском происхождении таких норм⁶⁴.

После опубликования именно этих работ Васильевского по внутренней истории Византии ряд виднейших византинистов Запада отчетливо осознали: профессиональные исследования в области истории Византии неизбежно будут ущербными

⁶⁰ Там же. С. 415.

⁶¹ Там же.

⁶² *Васильевский В.Г. Законодательство иконоборцев.* Ч. 199. С. 287.

⁶³ Там же. С. 102–105.

⁶⁴ Там же. Ч. 199. С. 297, 300; Ч. 200. С. III, 113; *Васильевский В.Г. О синодальном списке...* С. 171–172; *Он же Книги законные.* С. 344.

без непосредственного (в русском оригинале) знакомства с трудами российских ученых. В глухом занавесе (rossica et neo-graeca non leguntur), отделявшем западную науку от русской (последнюю от западной он никогда не отделял), появился просвет...

Уместно подчеркнуть именно здесь, что все последующие, новые и новейшие концепции эволюции аграрных отношений в Византии, включая последние дискуссии о континуитете и дисконтинуитете, представляют собой в сущности сплошь и рядом лишь либо уточнение, дополнение и развитие, либо опровержение концепции Васильевского. Более того, связь с нею представлений советских ученых об аграрном строе Византии гораздо более прочная, чем они сами желали это обнаружить. Дежурно-самоохранительные и никак уже тогда на исследовательском процессе не отражавшиеся реплики в отношении Васильевского: “буржуазный ученый”, “идеализировал монархию”, “не видел в классовый борьбе движущей силы истории” и т.п. – ровно ничего не означали и не мешали ни заимствовать, ни развивать идеи ученого. Западные оппоненты долго и остро критиковали советских византистов-аграрников за их “марксистские” пристрастия там, где имело место в действительности развитие или продолжение старой российской традиции в сфере социально-экономической истории. Даже теперь, когда вновь обнаружилась тенденция почти тотально противопоставить средневековый аграрный строй Запада византийскому и доказать, что парикия не более чем частный случай аренды, следовало бы опровергать не “феодалистов-марксистов”, а Василия Григорьевича: это он первый, тщательно интерпретируя новеллы императоров Македонской династии, “ввел всех в заблуждение”, не заметив, что новеллы видимо, попросту следствие неоправданной столетней паники слабонервных василевсов, начиная с Романа I Лакапина и кончая Василием II Болгаробойцей...

Заметим в скобках, что к чести советских византистов, работавших даже в самую тревожную “идейно-истерическую” пору, и упомянутые выше реплики по адресу Васильевского были редкостью: имя его в научных работах неизменно упоминалось с большим уважением⁶⁵.

Постоянное внимание Васильевский уделял, как уже говорилось, источниковедческим штудиям: этот аспект исследований характерен для всех его трудов, посвящая он ему и специальные работы, много переводил, озабоченный явной необходимостью ознакомить специалистов по древнерусской истории с недоступными для них (греческий язык!) византийскими источниками. Так, донныне признанным остается вывод Васильевского, что жития, известные под именем Симеона Метафраста (Магистра и Логофета), и “Хроника Логофета” написаны одним автором (решить вопрос помогли славянские списки хроники, нередко более исправные, чем греческие)⁶⁶. Ученый показал также, что часть хроники “Продолжателя Амартола” (с 842 по 948 г.) целиком заимствована из “Хроники Логофета” и не имеет значения самостоятельного источника⁶⁷, как и компиляция (из Логофета) Льва Грамматика, которая к тому же уступает по точности компиляции Феодосия Мелитинского⁶⁸.

Среди публикаций Васильевским новых источников исключительное место занимает, несомненно, издание по единственной рукописи (Московская синодальная библиотека – № 298/436), крупного памятника, принадлежащего перу автора XI в. Кекавмена. Сначала Васильевский издал лишь около половины памятника в русском

⁶⁵ Кстати говоря, завершение публикации собрания его трудов Академией наук СССР (т. IV) датируется 1930 г.

⁶⁶ Васильевский В.Г. О жизни и трудах Симеона Метафраста // ЖМНП. 1880. Ч. 212; *Он же*. Хроника Логофета на славянском и греческом // ВВ. 1895. Т. II. Вып. 1-2; *Он же*. Синодальный кодекс Метафраста // ЖМНП. 1897. Ч. 311.

⁶⁷ Васильевский В.Г. Хроника Логофета... С. 98, 138.

⁶⁸ Там же. С. 129–132, 135–136.

переводе (в оригинале, в отрывках, он привел лишь треть переведенных параграфов) с научным комментарием⁶⁹, а через 15 лет совместно с В.К. Эрнштедом, опубликовал критическое издание всего памятника⁷⁰, ценность которого как первоклассного источника для изучения самых разных сторон жизни империи и в столице, и в провинциях, как и ее отношений с разными странами и народами, сразу же была широко признана мировой научной общественностью.

Стремясь расширить кругозор своих учеников и коллег, Васильевский находил время для описания неизданных документов и рукописей⁷¹, для изложения истории публикаций византийских источников вплоть до XVIII в.⁷², для обозрения трудов отечественных ученых⁷³, для критических рецензий на западные работы и библиографических справок.

В отличие от своих младших современников Васильевский не оставил крупных обобщающих трудов по истории Византии. Он говорил: “никогда не следует трудные, запутанные и важные вопросы трактовать как бы мимоходом, не ради их самих”⁷⁴, т.е. не изучив их самостоятельно, по источникам. Но таких вопросов было слишком много, и на решение их – при такой его позиции – жизни не хватало. Он был убежден, что его время в науке – время собирания и выверки фактов, время синтеза еще не пришло, а когда оно придет, то обобщающий труд по истории Византии и в данном случае не может быть создан одним ученым – он должен быть коллективным, написанным группой специалистов⁷⁵.

С удовлетворением наблюдая расширение византиноведческих исследований в России и ощущая (отнюдь не только в силу служебного долга) свою ответственность за обеспечение публикации работ своих коллег, Васильевский содействовал их изданию в “Журнале Министерства народного просвещения”, главным редактором которого он был с 1890 г. до конца жизни, а также в “Записках историко-филологического факультета” Петербургского университета, в “Славянском сборнике”, в журнале (сборнике) “Православного палестинского общества”.

Но и это несравненно более благоприятное сравнительно с предшествующим положение с изданием работ по византиноведению не удовлетворяло Васильевского. В 1890 г. он был избран наконец действительным членом Российской Академии наук, и в этом своем звании добился выделения из фондов Академии средств на издание специального академического византиноведческого органа – “Византийского временника”, первый том которого вышел в свет в 1894 г. в Санкт-Петербурге, всего через два года после появления первого тома “Byzantinische Zeitschrift”, став сразу вровень с ним по авторитетности среди специалистов не только в России, но и на Западе.

С тех пор прошло 100 лет, и в течение всего этого богатого трагическими событиями в истории России периода судьбы российского (а в не малой степени также украинского, грузинского и армянского) византиноведения оказались тесно связанными с

⁶⁹ *Васильевский В.Г.* Советы и рассказы византийского боярина XI в. // ЖМНП. 1881. Ч. 215 и 216.

⁷⁰ *Sesaiteni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regis libellus* / Ed. W.Wasiliewski, V.Jemstedt // Зап. ист.-филол. ф-та имп. С.-Петербургского ун-та. СПб., 1896. Т. XXXVIII.

⁷¹ *Васильевский В.Г.* Описание Порфириевского сборника византийских документов: Отчет имп. Публ. библ. за 1883 г. СПб., 1885; *Он же.* Один из кодексов Московской Синодальной библ. // ЖМНП. 1886. Ч. 248; *Он же.* Василия Охридского... и Солунского неизданное слово на смерть Ирины, супруги императора Мануила Комнина // ВВ. 1894. Т. I; и др.

⁷² *Васильевский В.Г.* Обзорение трудов по византийской истории // ЖМНП. 1887. Ч. 250; 1887. Ч. 252; 1888. Ч. 259; 1889. Ч. 266. Отд. изд. СПб., 1890.

⁷³ *Васильевский В.Г.* Византийский временник за 5 лет.

⁷⁴ *Васильевский В.Г.* [Рец.] “Черноморье”. Сборник... С. 102.

⁷⁵ Записка о составлении перечня византийских грамот и писем, представленная в Академию академика-ми А.А. Куником и В.Г. Васильевским // ВВ. 1894. Т. I, вып. 1. С. 250–251; *Он же.* Византийский временник за 5 лет. С. 137.

“Византийским современником”. В работу сборника, непосредственно в его редакции и вне ее, активно включились ученики главного редактора: В.Э. Регель, взявший на себя главное бремя научно-организационной работы в редакции уже при жизни учителя и ставший ее главой после его смерти, К.Н. Успенский, П.В. Безобразов, Б.А. Панченко, Х.М. Лопарев, А.А. Васильев, Д.Ф. Беляев и др. Сборник сыграл неопределимую роль в организации и углублении исследований по византиноведению в России в целом, содействовал оформлению собственных российских школ с их ярко выраженной (и ценимой в мировой науке) спецификой. Одновременно “Временник” стал индикатором положения византиноведения в ряду других гуманитарных наук в России, зеркалом его успехов и злоключений. Злоключения не зависели от научного уровня сборника, но уровень чаще стал зависеть от злоключений...

Придавая огромное значение “приуготовлению” юношества к научным занятиям, прочно связывая надежды на прогрессивные преобразования и само будущее России с умножением числа образованных людей в стране, Васильевский, полный тревоги, посещал политические митинги и уличные сходки студентов, чтобы, если позволит случай, предостеречь их от опрометчивого шага, от бесполезной (как он думал) растраты сил и помешать возможным эксцессам и опасным столкновениям⁷⁶.

Как профессор университета, создатель собственных курсов лекций по истории средних веков и специальных по истории Византии, Васильевский проявлял постоянное пристальное внимание к ознакомлению студентов с иностранной исторической мыслью, добивался для способных выпускников зарубежных командировок, заботился о приличествующем комплектовании университетской и академической библиотек, об издании безупречной в научном отношении учебной литературы, сурово критикуя при этом всякие проявления невежества, небрежности, неряшливости⁷⁷.

В заключение коротко о глубинных, нравственных основах помимо бесспорного таланта научного творчества Васильевского. Эти основы, вне всякого сомнения, в чрезвычайно обостренном чувстве ответственности перед обществом, наукой, коллегами, молодежью, собственной совестью за дело, которому он решил служить беззаветно до конца. Жизнь ученого, выходца из разночинной провинциальной среды, была далеко не безоблачной: ему были отлично знакомы и материальные лишения (по собственному его признанию, от них он избавился, наконец, только став академиком), и тяжелые семейные заботы, и неустроенность преподавательской карьеры, и длительные болезни. Как всегда, перегруженный научной, преподавательской и научно-организационной работой, он поздно решил заняться всерьез запущенной болезнью почек. Но, решившись, не успел доехать к месту лечения в Рим: смерть настигла его весной во Флоренции 13(25) мая 1899 г. на 62-м году жизни, полного творческих замыслов и надежд скоро вернуться в университетскую аудиторию, к книгам, к письменному столу. Похоронен Васильевский на местном кладбище.

Отдавая дань благодарной памяти основателю “Византийского современника”, а по сути дела российского научного византиноведения, мы счастливы сознать, что кладка фундамента нашей науки произведена великим ученым и великим учителем, труды которого не утратили ни научного, ни дидактического значения. Чтение их по-прежнему доставляет интеллектуальное наслаждение.

Васильевский обозначил высокие критерии науки, которых оказалась достойной российская византистика в лице его ближайших учеников и последователей. Достойным их должно быть российское византиноведение и впредь.

⁷⁶ См., например: *Васильевский В.Г.* [Рец.] Осокин Н.А. История средних веков. Казань, 1888 // ЖМНП. 1889. Ч. 264; *Он же.* Рец. на составленную А. Овсянниковым “Историческую хрестоматию”: Учебное пособие для учащихся и преподавателей. Курс новой истории // ЖМНП. 1875. Ч. 182; и др.

⁷⁷ *Гревс И.М.* Василий Григорьевич... С. 33–34.